

УДК 165.0; 81:1
DOI:
10.15372/PS20160404

А.Ю. Моисеева

DE RE ПРИПИСЫВАНИЯ УБЕЖДЕНИЙ И СПЕЦИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ*

Различные теории *de re* приписываний убеждений рассматриваются с точки зрения того, как в них осуществляется спецификация понятий агента, если она вообще осуществляется. Показано, что при не специфицирующем понятия подходе теория *de re* приписываний имеет некоторые контринтуитивные следствия, а подход, специфицирующий понятия, изменяет само понимание *de re* приписывания.

Ключевые слова: *de re*, *de dicto*, убеждение, понятие.

A.Yu. Moiseeva

DE RE ASCRIPTIONS OF BELIEFS AND NOTION SPECIFICATION

Different theories of *de re* ascriptions are being discussed in the light of how they do notion specification, if they do. It is shown, that the approach which is not notionally specifying gives such theory of *de re* ascriptions that it has some implausible consequences, and notionally specifying approach shifts the very understanding of *de re* ascription.

Key words: *de re*, *de dicto*, belief, notion.

Убеждения окружающих нас людей – один из самых значимых факторов нашей жизни, и основной способ узнать о них состоит в том, чтобы слушать, что эти люди говорят. Навык высказываться (и понимать высказывания) о своих и чужих убеждениях полностью формируется обычно к возрасту четырех лет, и впоследствии мы занимаемся этим постоянно. Однако теоретически описать значение таких высказываний значительно сложнее, чем научиться их использовать. Примечательной

* Публикуется в авторской редакции.

их особенностью является то, что их истинность может зависеть не только от положения дел, убежденность в котором приписывается говорящим агенту, но и от способа этого приписывания. В несколько упрощенной форме можно сказать, что убеждения существуют в виде определенной связи понятий, и эта связь понятий может специфицироваться в высказываниях. Таким образом, высказывание истинно только тогда, когда понятия удовлетворяют спецификации – в том случае, если она есть. Чтобы обозначить эту ситуацию, контексты, управляемые глаголами «убежден», «желает», «надеется», «опасается» и т.п., называют интенциональными¹. В данной статье нас будет интересовать достаточно узкий раздел семантики интенциональных контекстов, а именно семантика так называемых *de re* приписываний убеждений. Мы рассмотрим различные теории, претендующие на то, чтобы объяснять, какое *de re* приписывание осуществляется конкретным высказыванием с глаголом «убежден», если вообще осуществляется, и как в нем специфицируются понятия, если они специфицируются.

1. *De re, de dicto* и загадка Фреге

Вопрос о спецификации понятий тесно связан с различением *de re* сиональных контекстах. Следует упомянуть, что изначально оно устанавливалось для модальных контекстов и было призвано прояснить неоднозначность высказываний типа

(1) Количество планет необходимо нечетно.

Неоднозначность связана с тем, что можно по-разному определять область действия модального оператора. Так, (1) можно интерпретировать как

(1a) Количество планет таково, что оно необходимо нечетно.

Это высказывание истинно, поскольку количество планет равно 9, а нечетность является необходимым свойством числа 9. Такие высказывания, утверждающие наличие необходимого или случайного свойства у определенного объекта, конкретного или абстрактного, в семантике мо-

¹ Интенционалом термина называют содержание связанного с ним понятия, в отличие от экстенционала – множества объектов, на которые указывает термин. Интенциональность не следует путать с интенциональностью, т.е. «направленностью» сознания на объект.

дальних контекстов называются высказываниями *de re* (буквально «о вещах»).

С другой стороны, (1) можно интерпретировать как

(1б) Необходимо, что количество планет нечетно.

Это высказывание ложно, поскольку то, что количество планет равно 9 (нечетному числу), есть лишь случайный факт – их могло бы быть 8 или 10. Такие высказывания, утверждающие необходимую или случайную истинность пропозиции, выраженной в придаточном предложении, называются высказываниями *de dicto* (буквально «о словах»)².

Легко заметить, что различие в истинности (1а) и (1б) связано со способом обозначения объекта. Если бы вместо дескрипции «количество планет» использовалось выражение, необходимо указывающее на данный объект (число 9), то оба высказывания были бы истинны. Современные семантики вслед за С. Крипке называют такие выражения жесткими десигнаторами. Имя собственное и индексикал являются жесткими десигнаторами, в отличие от дескрипции. Поэтому при употреблении в модальных контекстах имен и индексикалов можно не проводить различия между *de re* и *de dicto*. В случае с дескрипциями его проводить обязательно.

По аналогии применительно к приписываниям убеждений содержательное различие между *de re* и *de dicto* можно установить следующим образом. *De re* приписывание можно представить как утверждение наличия у определенного объекта или набора объектов реляционного свойства быть таким-то и таким-то, по убеждению определенного агента. *De dicto* приписывание, напротив, утверждает лишь, что пропозиция, выраженная в придаточном предложении, истинна, по убеждению данного агента. Это и есть традиционное понимание *de re/de dicto* различия в интенциональных контекстах.

Наиболее явный способ выражения *de re* приписывания – это синтаксическая форма, где выражение, означающее объект, вынесено в главное предложение. Опять же, как *de re* приписывания можно интерпретировать все высказывания, где объект обозначается именем или индексикалом. Что касается высказываний с дескрипциями, многие из них можно интерпретировать и как *de re* приписывания, и как *de dicto* приписывания. Обычно чтобы установить, какое из приписываний

² Пример (1) вместе с пояснениями к нему взят из [Воёг, 2007, р 34].

имеется в виду, в примерах, разбираемых семантиками, фиксируется определенный контекст, в котором делается высказывание. Например, высказывание

(2) Мария убеждена, что первый человек на Луне был смел

можно интерпретировать как *de re* приписывание, относящееся к Нилу Армстронгу

(2a) Первый человек на Луне был таков, что Мария убеждена, что он был смел.

Но если в условиях указано, что Мария не имеет определенного мнения о том, кто первым покорил Луну, СССР или США, то (2) следует считать *de dicto* приписыванием

(2б) Мария убеждена, что существует x такой, что x был первым человеком на Луне, и что x был смел.

Интересно, что в *de dicto* интерпретации (2) мы и сами не принимаем на себя никаких обязательств относительно доверия к официальной истории НАСА: мы можем содержательно высказываться об убеждении Марии, даже если считаем, что Луна в действительности так и осталась непокоренной человеком! В самом деле, легко видеть, что все вхождения переменной x в (2a) ограничены областью действия глагола «убеждена», и без знания дополнительных фактов из них нельзя вывести внешнего экзистенциального обобщения по этой переменной.

Из определения *de re* приписывания, напротив, явствует, что из него всегда можно вывести существование объекта, и более того, что способ обозначения объекта не влияет на истинность самого приписывания. Пользуясь классической формулировкой, можно сказать, что *de re* приписывания позволяют замену коэкстенциональных сингулярных терминов *salva veritate*. Для пояснения этого тезиса используем знаменитый пример Г. Фреге о древнем астрономе, не знавшем, что небесное тело, которое он называет Утренней звездой, то же самое, что и небесное тело, которое он называет Вечерней звездой. Пусть о нем истинно высказывание

(3) Древний астроном был убежден, что Утренняя звезда является планетой.

Будучи интерпретировано как *de re* приписывание, (3) означает, что у Утренней звезды имеется свойство быть планетой, по убеждению этого древнего астронома. Эту его интерпретацию можно выразить так:

- (3а) Утренняя звезда такова, что древний астроном был убежден, что она является планетой.

Но поскольку Утренняя звезда есть то же, что и Вечерняя звезда, (3а) эквивалентно

- (3б) Вечерняя звезда такова, что древний астроном был убежден, что она является планетой.

то есть *de re* интерпретации высказывания «Древний астроном был убежден, что Вечерняя звезда является планетой». Отсюда, это высказывание истинно вопреки тому факту, что сам древний астроном мог бы с ним не согласиться.

Этот вывод сам по себе безопасен, если найти способ согласовать его с тем, что о нашем древнем астрономе может быть истинно не только (3), но и

- (4) Древний астроном был убежден, что Вечерняя звезда не является планетой.

Исходя из условий примера, весьма вероятно, что древний астроном, оставаясь вполне рациональным, мог одновременно обладать убеждениями, приписанными ему высказываниями (3) и (4). Но если интерпретировать (4) как *de re* приписывание, оно будет означать

- (4а) Вечерняя звезда такова, что древний астроном был убежден, что она не является планетой,

что в соединении с (3б) дает

- (5) Вечерняя звезда такова, что древний астроном был убежден, что она является планетой, и одновременно убежден, что она не является планетой.

Таким образом, мы показали, что древний астроном был убежден в наличии у одного и того же объекта двух противоположных свойств. Это кажется несовместимым с предположением о его рациональности.

Существование этой загадки, получившей в литературе название загадки Фреге, отражает отмеченную выше особенность интенциональных контекстов, а именно тот факт, что истинность приписываний, даже при том, что она не зависит от способа обозначения объекта, некоторым образом связана с понятиями об этом объекте, имеющимися у агента. Еще Г. Фреге сформулировал простой принцип, позволяющий согласовать между собой предложения типа (3) и (4) без того, чтобы считать агента иррациональным. В несколько адаптированной формулировке этот принцип гласит, что рациональный агент может придерживаться двух противоположных убеждений об одном и том же объекте, если и только если у него имеются два различных понятия об этом объекте такие, что агент считает их понятиями о разных объектах. Этот принцип некоторые авторы называют ограничением Фреге (см, например [Schiffer, 1978, p. 180]). Сам Г. Фреге, как известно, придерживался мнения, что в интенциональных контекстах замена коэкстенциональных терминов *salva veritate* невозможна ни при каких условиях, иначе говоря, что *de re* приписываний не существует. Однако современные семантики нашли способ встроить предложенный им принцип в теорию *de re* приписываний. Они эксплицировали значение глагола «убежден» в *de re* интерпретации с помощью формулы, включающей отношение между агентом, объектом, свойством и четвертым элементом – понятием или, в другой терминологии, модусом представления (mode of presentation) этого объекта:

$${}^rB(a, x, F) = (\exists m) {}^uB(a, x, F, m),$$

где rB – отношение убежденности, приписанное *de re*, а uB – отношение убежденности в некотором модусе представления³. Переменная m и означает тот модус представления, который задействован в убеждении a , что x есть F .

Термин «модус представления» настолько широко используется в семантике интенциональных контекстов, что заслуживает отдельного внимания. Многие авторы используют его без содержательных пояснений, просто как абстракцию, определенную функционально для целей

³ Подобную теорию с некоторыми дополнениями см. в [Salmon, 1986]. Сама приведенная здесь формула взята из [Schiffer, 1978, p. 182]. С. Шиффер утверждает, что она принадлежит Д. Каплану, но в цитируемой им работе [Kaplan, 1968-69] никакого аналога ей обнаружить не удалось. По-видимому, С. Шиффер значительно адаптировал теорию Д. Каплана для своих целей.

конкретной теории. Иными словами, модус представления – это «все, что делает истинной вышеупомянутую теорию модусов представления» [Schiffèr, 1978, p. 180]. И все же у этих авторов наблюдается значительное единодушие в том, какие свойства они считают присущими абстракции, которую называют этим термином. С одной стороны, модус представления похож на фрегеанский смысл тем, что является посредником между языковым выражением и его референтом, обеспечивая выполнение ограничения Фреге. Но, в отличие от смысла, модус представления, как обычно считают, не разделяется всеми компетентными носителями языка, а существует только «в голове» отдельного субъекта. Поэтому теории, в которых постулируются модусы представления, защищены от критики с позиций холизма языкового значения. С другой стороны, модус представления похож на понятие в обыденном употреблении этого слова. Но, в отличие от понятия, модус представления может представлять не только отдельный объект или свойство, но и целое суждение. Таким образом, термин «модус представления» более общий, чем термин «понятие». Это делает его более удобным для построения семантических теорий. Наконец, важным свойством модуса представления является то, что он служит для индивидуации убеждений и других ментальных состояний, рассмотренных с психологической точки зрения. В связи с этим С. Шиффер выдвигает требование, чтобы тождество модусов представления при прочих равных условиях обеспечивало тождество функциональных ролей двух ментальных состояний [Ibid]. Это требование кажется вполне разумным и делает модус представления одной из базовых абстракций не только для семантики, но и для философии сознания – при условии, конечно, что ему удастся дать адекватное психологическое описание.

Итак, используя формализацию, приведенную выше, условие истинности (5) можно выразить следующим образом:

- (5a) $(\exists m) {}^u B$ (Древний астроном, Вечерняя звезда, быть планетой, m) &
 $(\exists m) {}^u \bar{B}$ (Древний астроном, Вечерняя звезда, не быть планетой, m).

Видно, что в такой интерпретации (5) не влечет иррациональности древнего астронома и вообще совершенно невинно.

2. Еще одна загадка

Теория модусов представления в предложенном выше варианте, бесспорно, изящна и обладает большой объяснительной силой. Однако она оставляет интуицию не полностью удовлетворенной, на что первым обратил внимание С. Шиффер в одной из программных своих статей «Базис референции» [Schiffer, 1978, p. 183]. Чтобы проиллюстрировать его соображения, нам достаточно будет несколько модифицировать условия нашего примера. Допустим, древний астроном, показывая на Венеру утром, говорит:

(6) Я убежден, что это планета.

Вечером он, показывая на Венеру же, но не узнавая ее, говорит:

(7) Я не убежден, что это планета.

При этом из контекста ясно, что имеется в виду не то, что он убежден в обратном, а просто то, что он не имеет определенного убеждения насчет природы указываемого им объекта. Адаптируя мысль С. Шиффера к нашему примеру, можно сказать, что интуитивное прочтение (7) предполагает, что если бы древний астроном произносил это утверждение в том же контексте, что и (6), его следовало бы считать логическим отрицанием (6). Однако, согласно изложенным выше соображениям, (6) мы должны формализовать как

(6a) $(\exists m) {}^u B$ (Древний астроном, Вечерняя звезда, быть планетой, m),

а (7) как

(7a) $(\exists m) {}^{-u} B$ (Древний астроном, Вечерняя звезда, быть планетой, m)

Видно, что (7a) не является отрицанием (6a).

Причины появления этой новой загадки С. Шиффер видит в том, что в критикуемой им теории недостаточно полно учитывается связь между семантикой и психологией. Он считает, что именно психологические соображения должны лежать в основе теории значения, поскольку знание значения предложения сводится, в конечном счете, к знанию того, каково должно быть содержание ментального состояния субъекта, чтобы он утверждал это предложение всерьез и буквально. А зная зна-

чение слова или выражения означает просто знать, какой вклад оно вносит в значение предложения, в которое входит. Именно это, по-видимому, послужило причиной для того, чтобы назвать статью «Базис референции».

Здесь же С. Шиффер предлагает собственную теорию, накладывающую более жесткие ограничения на способы выражения. Эта теория получила известность под названием теории скрытых индексикалов и представляет собой, по-видимому, попытку соединить тезис о прямой референции сингулярных терминов с элементами фрегеанства. Основная идея состоит в том, что, хотя мы почти ничего не можем сказать о модусах представления как таковых, мы можем дать им содержательное описание исходя из того, каким именно предложением выражено *de re* приписывание и в каком контексте произнесено это предложение.

В общем виде условия истинности высказывания, выражающего *de re* приписывание, по С. Шифферу, таковы:

$${}^rB(a, \langle x, F \rangle) = (\exists m) ({}^uB(a, \langle x, F \rangle, m) \& \Phi m),$$

где Φ – тип модуса представления, имплицитно указанный в предложении и контекстно зависимый⁴.

Эта формула помогает устанавливать более тонкие различия в приписываниях с использованием коэкстенциональных выражений. Например, (6) можно формализовать, согласно теории С. Шиффера, как

$$(66) (\exists m) ({}^uB(\text{Древний астроном}, \langle \text{Вечерняя звезда}, \text{ быть планетой} \rangle, m) \& \Phi m),$$

где Φ_1 – такой тип, что модус представления этого типа представляет объект как небесное тело, видимое утром.

В той же нотации (7) можно представить как

⁴ Впервые теория скрытых индексикалов предложена в неформальном виде в [Schiffer, 1977]. Полностью формальное ее изложение мы находим в [Schiffer, 1992, p. 503]. Именно эта работа цитируется здесь. При цитировании мы сознательно игнорируем тот факт, что для свойств могут существовать свои модусы представления, хотя сам С. Шиффер предполагает, что они действительно существуют. Однако, во-первых, это совершенно не очевидно, во-вторых, предположение об их существовании создает дополнительные проблемы, на которые автор указывает, например, в [Schiffer, 1990]. В любом случае, m в формуле легко распisać как упорядоченную пару из модуса представления объекта n и модуса представления свойства k : $m = \langle n, k \rangle$. В таком случае Φ нужно считать типом этой пары.

(7б) $(\exists m) (\neg {}^u B \text{ (Древний астроном, <Вечерняя звезда, быть планетой>, } m) \& \Phi_2 m)$,

где Φ_2 – такой тип, что модус представления этого типа представляет объект как небесное тело, видимое вечером.

Не менее правомерной формализацией (7) будет и

(7в) $\neg (\exists m) ({}^u B \text{ (Древний астроном, <Вечерняя звезда, быть планетой>, } m) \& \Phi_2 m)$,

поскольку различие в типах модусов представления само по себе может обеспечить выполнимость ограничения Фреге. Но если бы (7) произошло в том же контексте, в котором было произнесено (6), (7в) следовало бы переписать как

(7г) $\neg (\exists m) ({}^u B \text{ (Древний астроном, <Вечерняя звезда, быть планетой>, } m) \& \Phi_1 m)$,

что и является логическим отрицанием (5б). Загадка разрешена.

Кроме того, поскольку контекст понимается С. Шиффером в широком смысле и включает сами слова, с помощью которых выражается *de re* приписывание, интуитивная оценка истинности предложений с именами и дескрипциями тоже является буквально верной. Так, предложение «Древний астроном был убежден, что Вечерняя звезда является планетой» применительно к нашему примеру должно в полном согласии с интуицией оцениваться как ложное, поскольку хотя и существует модус представления, в котором древний астроном обладает таким убеждением, этот модус представления не имеет типа, который можно предположить исходя из употребления выражения «Вечерняя звезда».

Легко заметить, что теория С. Шиффера эксплуатирует представление о семантике имен и индексикалов в интенциональных контекстах, во многом схожее с расселианским дескриптивизмом. Точнее, как утверждает сам автор, он принимает расселианство относительно содержания сингулярных убеждений, но не принимает его относительно значения сингулярных терминов. В статье «Базис референции» эта линия доведена до логического завершения: признается, что сам модус представления суть ни что иное как индивидуальный концепт, то есть ментальная сущность, соответствующая некоторой определенной дескрипции. С. Шиффер прямо утверждает: для каждого материального объекта x , отличного от себя самого, некоторый субъект убежден, что x есть F , только если суще-

стует такая дескрипция ϕ , спецификация которой не содержит сингулярных терминов, указывающих на $x...$, такая что (i) $(y)(\phi y \leftrightarrow y = x)$ и (ii) этот субъект убежден, что $(\exists y)((z)(\phi z \leftrightarrow y = z) \& Fy)$ [Schiffer, 1978, p. 193]⁵. Тип модуса представления тогда следует, по-видимому, понимать как неполную определенную дескрипцию, такую что (i) ей удовлетворяет этот и только этот объект; (ii) она характеризует этот объект так, что данная характеристика могла бы быть выведена из знания контекста, в котором осуществлялось *de re* приписывание, включая то, в каких выражениях это приписывание было сформулировано. Первое условие нужно, чтобы исключить из рассмотрения референциально пустые или референциально неопределенные выражения вроде «первый человек на Луне». Второе условие нужно, чтобы задать тип модуса представления.

Если мы верно поняли теорию С. Шиффера, то она существенно уменьшает разрыв между семантикой *de re* приписываний и семантикой *de dicto* приписываний. Фактически, она гласит, что условия истинности *de re* приписывания эквивалентны условиям истинности такого *de dicto* приписывания, что объект, указанный в *de re* приписывании, обозначается в этом *de dicto* приписывании с помощью неполной определенной дескрипции, удовлетворяющей заданным выше условиям. Исключение из этой схемы редукции составляют *de re* приписывания, относящиеся к самому агенту и выражаемые им с помощью местоимения «Я», а также относящиеся к моменту времени, в который он делает свое утверждение, и выражаемые с помощью местоимения «сейчас». О первых С. Шиффер пишет, что они являются нередуцируемыми *de re* приписываниями, поскольку с самим собой, в отличие от других объектов, агент знаком непосредственно. Будучи рациональным, он никогда не может быть убежденным в высказывании вида «Я есть F , и я не есть F », откуда следует, что если произнесение слова «Я» он связывает с некоторым модусом представления, то это всегда один и тот же модус представления. То есть ограничение Фреге выполняется в силу самой природы связи между объектом и агентом. Но тогда нет никаких оснований для введения такой абстракции как модус представления⁶. Аналогично нередуцируемость *de*

⁵ Следует упомянуть, что впоследствии С. Шиффер отказался от этой идеи.

⁶ Следует отметить, что все эти соображения верны только до тех пор, пока агент означает себя местоимением «Я» или каким-то иным способом, но при условии, что он знает, что говорит о себе. Если, например, Мария утверждает конъюнкцию предложений «Я не красавица» и «Она – красавица», последнее – указывая на фотографию, на которой изображена она сама, но не узнавая себя, то не становится от этого иррациональной. В данном случае она имеет-таки модус представления себя, независимый от того модуса, в котором

re приписывания доказывается применительно к предложениям с местоимением «сейчас». Эти два исключения существенны, поскольку очевидно, что у нас вообще могут иметься какие-либо убеждения относительно объектов, определяемых без ссылки на себя и настоящий момент времени. Таким образом, в некотором смысле все *de re* приписывания являются нередуцируемыми – но только в этом смысле.

3. Приписывания убеждений или приписывания понятий?

Спецификация модусов представления посредством указания их типа – операция, имеющая вполне понятный смысл. Действительно, зачастую лучшим способом передать, *что* агент думает об объекте, является уточнение того, *как* агент о нем думает. На этом пути мы видим лишь одну значительную проблему, а именно: можно обоснованно сомневаться, что когда репортер приписывает агенту убеждение, он подразумевает то, что, как предполагает наша теория, он должен подразумевать. Целесообразно будет вкратце воспроизвести здесь разъяснение, которое сам С. Шиффер дает по этому поводу (см. [Schiffer, 1992, pp. 515-516]).

Первая трудность состоит в том, что говорящий, вероятно, не согласился бы, если бы ему сказали, что он подразумевает не просто то, что агент имеет убеждение об определенном объекте, но что он имеет убеждение в модусе представления определенного типа. Действительно, машинерия, привлекаемая в этой теории для экспликации значения высказываний с глаголом «убежден», настолько сложна, что трудно ожидать, чтобы говорящие сознательно подразумевали нечто подобное. Как пишет С. Шиффер, единственная возможность защитить теорию в таких условиях состоит в том, чтобы постулировать существование неявных (*tacit*) подразумеваемых – таких, которые недоступны для осознания самими говорящими. Эта идея кажется даже вполне правдоподобной, учитывая, что указание на тип модуса представления признается имплицитным. Но здесь мы сталкиваемся со второй трудностью, которая заключается в том, что необходимым условием даже неявного подразумевания является намерение, направленное на аудиторию. Нельзя подразумевать что-то, не намереваясь быть понятым. Отсюда, идея неявного подразу-

она представляет себя, когда знает, что говорит о себе. Этот модус представления, в соответствии с теорией С. Шиффера, можно было бы описать как такой, который представляет объект как женщину, изображенную на фотографии. Аналогичный пример см. [Ibid., p. 199].

мевания предполагает, что имеется некоторый тип модуса представления Φ такой, что репортер неявно подразумевает, что a убежден, что x есть F , в модусе представления типа Φ , и намерен (столь же неявно), чтобы его аудитория распознала, что он подразумевает, что a убежден, что x есть F , в модусе представления типа Φ . Однако поскольку тип модуса представления выводится исключительно из контекста, может существовать бесконечное множество одинаково правомерных способов его задания. Например, если я говорю о ком-то, присутствующем в комнате, «Мария убеждена, что он был пьян еще в полдень», то с равным основанием могу подразумевать такой тип модуса представления, что модус этого типа представляет объект как мужчину, на которого я сейчас смотрю, или такой, что модус этого типа представляет объект как мужчину, который сейчас прошел по комнате, шатаясь, или такой, что модус этого типа представляет объект как мужчину, который виделся с Марией сегодня в полдень, и т.д. И если слушатель хочет понять мое высказывание в соответствии с теорией, то чтобы утверждать, что я подразумеваю какой-то определенный тип модуса представления, он должен иметь основания отрицать, что я подразумеваю любой другой из подходящих типов. Но у него едва ли будут такие основания.

В статье «Базис референции» С. Шиффер предполагает, по-видимому, что проблема может быть решена с помощью следующего соображения: возможно, что правилом для произнесения «Он пьян» является не (1) произноси это, только если $(\exists\varphi)$ такое, что ты намерен убедить свою аудиторию, что определенный φ трезв; но (2) произноси это, только если (i) $(\exists\varphi)$ такая, что ты убежден, что некто есть определенный φ , и (ii) ты намерен убедить свою аудиторию, что определенный ψ трезв для некоторой ψ , коэкстенциональной с φ [Schiffer, 1978, p. 194]. Однако, на наш взгляд, это лишь отодвигает проблему на один шаг назад. Если можно спросить, на каких основаниях мы заключаем, что говорящий подразумевает эту дескрипцию, а не какую-либо другую из подходящих под контекст, то с тем же успехом можно спросить, на каких основаниях мы заключаем, что он подразумевает некоторую дескрипцию, коэкстенциональную с этой, а не с какой-либо другой дескрипцией. И, как мы видим, в дальнейшем С. Шиффер и сам не признает проблему решенной.

Проблемы намерения можно было бы избежать совсем, если бы мы предположили, что говорящий способен знать не только о типе, но и о самом модусе представления. Первыми, кто принял и попытался обосновать такое предположение, стали М. Кримминс и Дж. Перри [Crimmins, Perry, 1989]. При построении своей версии теории скрытых индексика-

лов они подробно моделируют внутреннюю структуру убеждения и показывают, на каком основании говорящий может предположить существование у агента определенного модуса представления, который они, впрочем, предпочитают называть понятием. Ключевая идея состоит в том, что при первой встрече с объектом, в котором человек так или иначе заинтересован, у него, как правило, формируется понятие об этом объекте. Под понятием об объекте понимается здесь понятие, во-первых, каузально связанное с этим объектом и, во-вторых, телеологически связанное с ним, то есть предназначенное для его распознавания в ситуациях, аналогичных той, в которой это понятие сформировалось. Таким образом, частичное знание истории агента обеспечивает частичное знание его понятий. Если говорящий знает, что агент обладает понятием, сформировавшимся при таких-то обстоятельствах и предназначенное для такой-то цели, то может приписать ему убеждение с использованием прямого, хотя и имплицитного, указания на это понятие. Способом указания, как и в теории С. Шиффера, здесь считается употребление определенных слов в определенном контексте.

Предположение о том, что в приписывание входит прямое указание на понятия агента, имеет интересные следствия. В частности, любые изменения в понятиях оказываются чреваты изменением в приписываниях. Скажем, придется считать, что в случае, если древний астроном из нашего примера узнал бы, что Утренняя звезда и Вечерняя звезда суть одно и то же небесное тело, мы как сторонние наблюдатели, утверждая о нем (3) или (4), имели бы в виду нечто другое, нежели теперь. И даже утверждая о нем «Древний астроном был убежден, что Утренняя звезда является телом, протяженным в пространстве», мы все равно имели бы в виду нечто другое, чем если бы произнесли это при имеющихся условиях. Хотя на первый взгляд этот вывод кажется неправдоподобным, возможно, что он и есть единственно верный, ведь, в соответствии с требованием С. Шиффера, понятия (они же модусы представления) должны быть пригодны для индивидуации убеждений по их функциональным ролям, а функциональные роли интересующих нас убеждений астронома неизбежно изменились бы после открытия, что Утренняя звезда есть Вечерняя звезда. В любом случае теория М. Кримминса и Дж. Перри заслуживает более детального рассмотрения, которое мы отложим на будущее.

Сейчас же целесообразнее обратиться к следующему вопросу: сохраняет ли такой анализ *de re* приписываний убеждений – анализ их как приписываний понятий – то традиционное понимание *de re*, которое бы-

ло изложено в начале данной статьи? Очевидно, что приписывания, в которых имеется скрытый индексикальный компонент, могут быть преобразованы в форму «объект x таков, что он имеет свойство F , по убеждению агента a », которая считается возможной только для *de re* приписываний. Например, для высказывания (3) в нотации С. Шиффера это преобразование давало бы такую формулу:

(3в) $(\lambda x) \langle (\exists m) (\text{“}B \text{ (Древний астроном, } \langle x, \text{ быть планетой} \rangle, m) \& \Phi, m) \rangle$
(Утренняя звезда).

В этой формуле обозначения «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» являются взаимозаменяемыми *salva veritate*. Но они не являются взаимозаменяемыми *salva veritate* в исходном высказывании, поскольку в нем индексикальный компонент остается имплицитным, связанным, в частности, с самим употреблением того или иного имени. Дело в том, что в этой теории высказывание (3) анализируется как такое, в котором говорящий старается использовать – и быть понятым как использующий – именно ту словесную форму, в которой агент сам мог бы выразить свое убеждение. Проанализированное таким образом, оно скорее соответствует традиционному пониманию *de dicto*. То, что делает его *de re* – это лишь факт приписывания агенту понятия *ob* определенном объекте, в отличие от приписываний, где объект изначально не определен. Таким образом, множество приписываний, традиционно квалифицируемых как *de dicto*, попадают здесь в категорию *de re*.

В заключение хотелось бы отметить, что существование значительных разночтений в том, как конструируется семантика *de re* приписываний, как определяется само *de re* приписывание, и даже в том, как конкретные высказывания в *de re* интерпретации оцениваются на истинность, может быть связано с тем, что сам глагол «убежден» является двусмысленным⁷. Он может пониматься как предикат отношения либо к некоторому пропозициональному содержанию мысли, либо к самой мысли. В первом случае различие *de re/de dicto* имеет вполне прозрачный смысл: оно отражает различие между отношением к сингулярной пропозиции и к общей пропозиции. Однако данная трактовка предиката «быть убежденным» порождает массу контринтуитивных следствий: истинными могут быть признаны не только такие высказывания об убеждениях агента, с которыми агент не согласен, но даже такие,

⁷ На это обращает внимание, например, С. Бур, см. [Boer, 2007, p. 35].

которых он не понимает. Во втором случае никаких контринтуитивных следствий быть не должно, однако сами концепции *de re* и *de dicto* предстают крайне неотчетливыми. Особенно ярко это проявляется при попытках квалифицировать как *de re* или *de dicto* приписывания те высказывания, которые делаются реальными людьми, пусть даже в хорошо известном контексте.

Вместе с тем представляется, что именно второй способ понимания глагола «убежден» – как отношения к мысли, а не к ее пропозициональному содержанию – может дать значительный импульс для развития не только семантики интенциональных контекстов, но и философии сознания в той ее части, которая касается содержания интенциональных ментальных состояний. Поэтому вопрос о том, что такое *de re* приписывания и как они связаны с понятиями агента, стоит исследовать более тщательно, чем это делалось до сих пор.

Литература

1. *Boër S.E.* Thought-Contents. On the Ontology of Belief and the Semantics of Belief Attribution. – Columbus: Springer, 2007.
2. *Crimmins M., Perry J.* The Prince and the Phone Booth: Reporting Puzzling Beliefs. // *The Journal of Philosophy*. – 1989. – V. 86. – № 12. – Pp. 685–711.
3. *Kaplan D.* Quantifying In. // *Synthese*. – 1968-69. – № 19. – Pp. 78–214.
4. *Salmon N.U.* Frege's Puzzle. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
5. *Schiffer S.* Belief Ascription. // *The Journal of Philosophy*. – 1992. – V. 89. – № 10. – Pp. 499–521.
6. *Schiffer S.* Naming and Knowing. // *Midwest Studies in Philosophy*. – 1977. – V. II. – Pp. 28–41.
7. *Schiffer S.* The Basis of Reference. // *Erkenntnis*. – 1978. – № 13. – Pp. 171–206.
8. *Schiffer S.* The Mode-of-Presentation Problem. // *Propositional Attitudes. The Role of Content in Logic, Language, and Mind*. – 1990. – Pp. 249–267.

References

1. *Boër S.E.* Thought-Contents. On the Ontology of Belief and the Semantics of Belief Attribution. – Columbus: Springer, 2007.
2. *Crimmins M., Perry J.* The Prince and the Phone Booth: Reporting Puzzling Beliefs. // *The Journal of Philosophy*. – 1989. – V. 86. – № 12. – Pp. 685–711.
3. *Kaplan D.* Quantifying In. // *Synthese*. – 1968-69. – № 19. – Pp. 78–214.
4. *Salmon N.U.* Frege's Puzzle. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
5. *Schiffer S.* Belief Ascription. // *The Journal of Philosophy*. – 1992. – V. 89. – № 10. – Pp. 499–521.

6. *Schiffer S.* Naming and Knowing. // *Midwest Studies in Philosophy.* – 1977. – V. II. – Pp. 28–41.

7. *Schiffer S.* The Basis of Reference. // *Erkenntnis.* – 1978. – № 13. – Pp. 171–206.

8. *Schiffer S.* The Mode-of-Presentation Problem. // *Propositional Attitudes. The Role of Content in Logic, Language, and Mind.* – 1990. – Pp. 249–267.

Информация об авторе

Моисеева А.Ю. – м.н.с., Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: ajumo@yandex.ru)

Information about the autor

Moiseeva A.Yu. – the junior scientific worker, the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia , e-mail: ajumo@yandex.ru).

Дата поступления 14.10.2016